

Наследник Винтерфелла наблюдал за тем, как чужеземец снимает плащ, аккуратно складывает его и передает ближайшему стражнику. В толпе раздались шепотки, когда Охотник отказался от предложенного ему тренировочного меча и доспехов, выйдя на ринг с одной только с тростью.

— Должен предупредить вас. — Охотник поднял выбранное им оружие. — Это сделано из стали Мастерской. Довольно увесистая вещь.

Брандон кивком дал понять, что принял слова своего противника к сведению и приготовился к бою, встав в низкую защитную стойку. Охотник, тем временем, расслабленно опустил руку с тростью.

— Готовы, лорд Хантер?

— На ваше усмотрение, лорд Брандон.

Наследник Винтерфелла нахмурился.

— Было бы спортивнее, если бы вы приняли стойку.

Противника эти слова лишь позабавили.

— Если вы так считаете, то вам следует быть осторожней: Охотники редко стоят и ждут врага.
— На его губах заиграла улыбка. — А те, что всё же стоят, пугают сильнее прочих.

Брандон воспринял эти слова как приглашение к бою. Он первым сделал выпад, и будь у него в руках живая сталь, то пронзил бы Охотника насквозь... пронзил, если бы тот ловко не отступил назад. Брандон, в свою очередь, пошёл в наступление: развернулся корпусом и нанес поперечный удар, рассекая воздух. Крутанув кистью, он перенаправил клинок так, чтобы нанести удар по коленям Охотника, но вновь не попал. Провалившись со всеми атаками, он рефлекторно отступил, опасаясь встречного удара. Который так и не последовал.

Юный Старк обдумал обмен, если его можно было таковым назвать.

Охотник идеально подстраивался под движения оппонента, отступая, когда Брандон наступал, благодаря чему каждый раз уклонялся от клинка буквально на волосок.

Брандон нахмурился, совершенно не впечатленный.

Да, Охотник быстр, но его манёвры — напрасная трата силы и дыхания, которые не дают преимущества над противником. Выгоднее блокировать, связывать и парировать. Брандон убедился, что Охотник точно не вхож в стан опытных рыцарей; это, а также то, что чужеземец

стоял совершенно спокойно, держа проклятую трость будто палку и не воспринимая бой серьёзно, воспламенило его кровь.

Наследник Винтерфелла принял высокую стойку. Он набросился с рёвом, нанося нисходящий удар всем телом. И снова его меч рассёк лишь пустоту... Брандон ожидал подобного и был готов. Он использовал полученный импульс, обращая энергию в ослепительную серию ударов, целя то высоко, в голову, то низко, по ногам. Попади хоть один из ударов, и Охотнику до конца его дней пришлось бы использовать трость по назначению, в качестве костыля.

Но ни один из ударов так и не достиг цели.

Охотник отступал уверенными, ровными шагами. Лёгкое движение плеча, ровно настолько, чтобы выпад прошёл мимо; шаг назад, выверенный и спокойный, достаточный, чтобы затуплённое лезвие не коснулось его тела.

Но больше всего раздражал взгляд его слишком ярких глаз.

Это не взгляд воина, не та пьянящая смесь концентрации и волнения, которая придаёт мужчине храбрость, а скорее взгляд мастера Уолиса, — теперь Лювина, — который появлялся, когда он изучал книгу. Холодный, спокойный, расчетливый взгляд, рассматривающий Брандона не как воина или даже мужчину, а как головоломку, которую нужно разгадать.

Проблему, которую нужно решить.

Он уже слышал крики толпы, недовольной неудачным боем. Их крики разжигали и без того кипящую кровь. То, что этот чужеземец оставался таким спокойным и совершенно безразличным, было слишком невыносимо.

— Встань и сражайся, Охотник! — Услышал он собственный крик. — Если бы я хотел танцевать, то позвал бы вашу жену! Возможно, сейчас так и сделаю!

Насмешки усилились, а вскоре вокруг них разразился хохот. Охотник не обращал на него внимания. Он повернулся к Брандону спиной, и на мгновение, мнение Наследника Винтерфелла об иностранце опустилось на самое дно. Неужели этот мужчина не станет сражаться даже за то, чтобы защитить честь своей жены? Но когда расстояние между Охотником и Брандоном достигло дюжины шагов, первый остановился и развернулся лицом ко второму.

Сирил Фэрчайлд смотрел на молодого Старка отрешенным взглядом, в котором ясно читался призрак улыбки.

— Защищайте плечо, лорд Брандон.

— Что?

— Ваше левое плечо, лорд Брандон. Защищайте его. —Повторил Охотник. — Вы поняли?

Что-то на лице Брандона, должно быть, послужило ответом, потому что ему не дали сказать больше ни слова.

— Вот и хорошо.

Возникло смутное ощущение удара. Едва уловимое ощущение боли. И звук... как будто его лицо прижали к наковальне, а затем зарядили по ней молотом. Эхо этого звона набатом загромыhalo в голове. Зрение затуманилось, дыхание стало прерывистым. Он сцепил зубы и сквозь дезориентацию пытался удержаться на ногах.

Немного придя в себя, он понял, что инстинктивно поднял меч... и сейчас чувствует его касание у своего плеча. Брандон посмотрел на свои руки, не веря глазам. Его клинок искривился. Он был тупым, но всё же из кованой стали. Дом Старков не жалел средств на вооружение своих людей, не говоря уже о наследнике. Испорченный меч бесполезно болтался в его руках, искривлённым лезвием прижатый к плечу, а Охотник нависал над ним, держа трость в полуоконченном замахе.

За болью последовал невидимый огонь, лижущий плечи, руки и спину. Ужасное, незнакомое напряжение сковало мышцы. Сила удара, вес трости... Брандон не мог поверить, что такая сила принадлежит человеку. Гамбезон, в который он облачился, вмиг потерял в его глазах все свои защитные свойства.

Один удар... заверши Охотник свой замах, и наследник Винтерфелла сейчас лежал бы сломанной куклой.

Наконец-то звон прекратился. Только сейчас Брандон понял, что его окружает тишина; крики и насмешки, которые ещё миг назад заглушали его собственные мысли, стихли. Он взглядом окинул лица, окрашенные в оттенки страха и благоговения. Трое стражников подошли к рингу, приготовив мечи, на случай если потребуеться защитить сына своего сеньора... явное проявление преданности, заставившее Брандона едва ли не сгореть от стыда.

Противник не обращал на него внимания, равно как и на ситуацию, спокойно направив свою трость на ближайшего стражника и потребовал низким, глухим голосом:

— Лорду Брандону нужен новый меч. Пожалуйста, одолжи ему свой.

Мужчина замер.

— Твой меч, пожалуйста. — Повторил Охотник. — Если только ты не хочешь, чтобы он

сражался без оружия.

Брандон заговорил прежде, чем его разум смог осмыслить слова.

— Дай мне клинок, Доналл. Я еще не закончил.

Охотник приподнял уголки губ в намёке на улыбку, но Брандон сделал вид, что не заметил. Ему потребовалось больше усилий, чем он мог признать, — и из-за горящих рук, и из-за колотящегося сердца, — чтобы принять предложенное оружие.

Как странно.

Всего несколько минут назад он сражался сразу против троих мужчин тренировочным мечом, и чувствовал себя королем. Сейчас он держал в руках живую сталь и чувствовал себя добычей.

Было бы проще, если бы Охотник разорвал его стремительным каскадом ударов. Но он не стал. Охотник стоял, как и раньше, в десяти шагах от него, нависая над Брандоном, подобно монолиту. Брандон не мог припомнить, чтобы когда-либо чувствовал себя таким маленьким.

— Странно, не правда ли? — Прошептал Охотник голосом, который все отчётливо слышали из-за образовавшейся тишины. — Сражаться с противником, который так быстро отступает, так неохотно блокирует, но при этом способен нанести удар, достаточный для того, чтобы сломать человека. Такова доктрина моего наставника, Германа, Первого Охотника.

Молчание затянулось. Мужчины и женщины напряженно следили за каждым словом лорда Фэрчайлда.

— Скажите мне, лорд Брандон, осмелились бы вы довериться своим доспехам настолько, чтобы встать против конного удара? А своему мечу — остановить когти медведя? Потому что чудовища из Ярнама опередят первого и сожрут второго. — В голове Брандона прозвучавшие слова породили навязчивые мысли, образы, которые он не мог прогнать. — Охотник, недвигающийся в Ночь Охоты, не увидит больше рассвета.

Сирил вновь поднял трость; толпа заметно напряглась.

— Я нападаю. — От этих слов, Брандон внутренне похолодел. — Спросите себя: «Что я буду делать? Как я выживу? Чем я пожертвую, чтобы выжить?»

Время шло. Мгновение или час, наследник Винтерфелла не мог сказать.

— Защищайте плечо.

Это было единственное предупреждение, которое он получил.

Несмотря на то, что Брандон теперь знал о скорости Охотника, он всё равно не смог воспринять его удар. Но он знал, куда тот будет направлен. Если бы он блокировал удар слева, прямо над плечом... это было бы разумнее. Безопаснее. Но это означало лишь выживание — непозволительно для молодого волка. Даже в его нынешнем положении, волчья кровь требовала от Брандона победы.

Наследник Винтерфелла сжал рукоять крепче и взмахнул им влево, дабы встретить трость Охотника и поймать удар там, где его клинок встретится с гардой. Получилось. Сталь в его руке закрипела от напряжения, и что-то будто лопнуло, но главное то, что ему удалось заблокировать и связать оружие Охотника. Он сделал подшаг вперёд, всё ещё контролируя ситуацию, направляя свой меч выше, так, чтобы всадить крестовину своего меча в запястье Охотника.

Миг триумфа — он разорвал сцепившиеся мечи и занёс свой клинок над тростью Охотника, направляя острие в голову противника.

— Молодец.

Брандон лежал на земле. Как он там оказался, он не знал. Но всё болело. Он снова не нанёс удара, не смог даже прикоснуться к Охотнику.

Пара рук помогла ему подняться на ноги.

— Весьма впечатляюще. Если бы не ваше положение наследника своего отца, из вас получился бы отличный Охотник.

Брандон заставил себя встретить взгляд Охотника, глаза которого были наполнены тихим весельем. Его похвала ощущалась самым страшным ядом.

— Я все еще могу сражаться.

— Сможете. — Согласился Охотник, в голосе которого звучало странное одобрение. — Но тогда вам понадобится немало времени на восстановление. В этом нет нужды. Пусть мейстер Лювин займется вашим оружием.

Охотник повернулся, дабы уйти, а Брандон боролся за то, чтобы просто стоять ровно. Каждый вздох обжигал. Толпа растворилась в море лиц, а его колотящееся сердце заглушало все прочие звуки. Сам Винтерфелл растаял в монохrome белых и серых тонов. Сквозь боль он чувствовал лишь тяжесть очередного испорченного меча в своей руке. Всё, что он видел — это спину Охотника.

Его мысли улетучились в миг прозрения... или же помешательства, зависит от точки зрения. Он не помнил, как начал движение. Он едва помнил, как поднял свой клинок.

— БРАНДОН! — Голос отца наполнил его уши. Затем на его глаза легла рука. Мир перевернулся. Пальцы, будто стальные, держали его лицо в тисках, а затылок замер на волосок от земли.

— Это было лишнее. — Укорил Охотник всё тем же мягким голосом и улыбнулся всё теми же яркими глазами. — Идите к мастеру Лювину, юный Старк. — Сирил Фэйрчайлд снова помог Брандону встать на ноги и беззаботно отвернулся, устремив взгляд на крепостные стены, где стоял лорд Винтерфелла. — Я поговорю с вашим отцом.

<http://tl.rulate.ru/book/91537/3190483>